IQRO JURNALI , IQRO JOURNAL, ИКРО ЖУРНАЛИ
ISSN:2181-4341| wordlyknowledge.uz/index.php/iqro
Volume 24. Issue 02. Noyabr ,2026

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ЗООМОРФИЗМОВ В РУССКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ И ПАРЕМИОЛОГИИ

Фазилова Саодат Хамза кизи
магистрант Узбекского
государственного университета мировых языков
saodatfazilova5@gmail.com
тел.: +998 99 774 90 20
https://doi.org/10.5281/zenodo.24484998

Аннотация. В статье рассматриваются теоретические вопросы изучения зооморфизмов во фразеологии и паремиологии русского языка. Уточняется содержание самого термина, который в литературе понимается по-разному, обсуждается граница между фразеологизмом и пословицей и предлагается рабочая классификация зооморфных единиц по двум основаниям: по группе животных и по тому, какое свойство человека через этот образ передаётся. Материалом послужили 614 единиц, отобранных из фразеологических и паремиологических словарей. Показано, что определённые животные устойчиво связываются в русском языковом сознании с определёнными оценками, однако эта связь не всегда однозначна: образ собаки, например, может выражать и преданность, и презрение. Сделан вывод о том, что зооморфизм удобнее рассматривать не как отдельный тип единиц, а как способ осмысления человека через животное, который одинаково работает и во фразеологии, и в пословицах.

Ключевые слова: зооморфизм, зооним, фразеологизм, паремия, пословица, метафора, оценка, языковая картина мира.

1. Введение

Животные появляются в русских устойчивых выражениях так часто, что носитель языка этого почти не замечает. Мы называем человека хитрой лисой, говорим, что он упрям как осёл, советуем не делить шкуру неубитого медведя, а бестолковую помощь называем медвежьей услугой. За каждым таким оборотом стоит образ, сложившийся задолго до появления словарей. В нём отразилось, каким народ видел и само животное, и человека рядом с ним.

Интерес к подобным единицам в науке давний. Ещё А.А. Потебня видел в басне и пословице сжатое иносказание, в котором частный случай становится знаком общего правила [12]. Позднее, когда фразеология оформилась в самостоятельную дисциплину, внимание сместилось к структуре и семантике устойчивых сочетаний [5; 16], а в последние десятилетия - к их культурному содержанию [14]. В.А. Маслова, в частности, рассматривает фразеологию и паремиологию как одно из самых прямых отражений народного самосознания [9].

Тем не менее сам термин «зооморфизм» до сих пор употребляется неоднородно. Одни авторы называют так любое наименование животного, перенесённое на человека (осёл, курица), другие - только устойчивые сочетания с таким компонентом, третьи включают

сюда и пословицы. К тому же фразеологизмы и паремии с названиями животных обычно изучаются порознь, хотя образ в них нередко один и тот же. Сравним оборот волк в овечьей шкуре и пословицу Как волка ни корми, он всё в лес смотрит: в обоих случаях волк воплощает природу, которую нельзя ни скрыть, ни переделать.

В статье мы попытаемся свести вместе основные теоретические положения, на которые можно опереться при изучении зооморфизмов, и проверить их на конкретном материале. Нас интересуют три вопроса. Что именно следует считать зооморфизмом? Где проходит граница между зооморфным фразеологизмом и зооморфной пословицей? И по каким признакам такие единицы удобно классифицировать?

2. Материал и методы

Материал собран методом сплошной выборки из «Фразеологического словаря русского языка» под редакцией А.И. Молоткова [15], «Большого фразеологического словаря русского языка» под редакцией В.Н. Телия [4], сборника В.И. Даля «Пословицы русского народа» [6] и словаря пословиц и поговорок В.П. Жукова [7]. В выборку вошли единицы, в составе которых есть название животного, птицы, рыбы или насекомого; всего 614 единиц, из них 352 фразеологизма и 262 паремии. Варианты одной единицы (хоть волком вой / впору волком выть) считались одной единицей.

Приметы и хозяйственные наблюдения, где животное упомянуто в прямом значении (например, о поведении скота перед непогодой), в подсчёт не включались, хотя у Даля их немало. Они интересны для этнографа, но к характеристике человека прямого отношения не имеют.

Значение каждой единицы устанавливалось по словарным толкованиям, а затем определялось, какое свойство или какую ситуацию человека описывает образ животного. Для этого использовались описательный метод, элементы компонентного анализа и лингвокультурологический комментарий в том виде, в каком его предлагает В.Н. Телия [14]. Отдельные параллели из узбекского языка [13] привлекались лишь там, где сравнение помогает яснее увидеть особенности русского материала; сопоставительное исследование в задачи статьи не входило.

3. Результаты

3.1. Понятие зооморфизма

Слово «зооморфизм» пришло в лингвистику из искусствознания и религиоведения, где им обозначают изображение человека или божества в облике животного. В языкознании оно приобрело несколько иной смысл. Под зооморфизмом мы понимаем закреплённый в языке перенос признаков животного на человека, будь то отдельное слово (медведь о неуклюжем человеке), устойчивое сочетание (гусь лапчатый) или пословица. В основе такого переноса лежит метафора, а она, как показали Дж. Лакофф и М. Джонсон, служит не украшением речи, а способом мышления: одна область опыта понимается через другую [17].

Существенно, что в зооморфизме описывается именно человек. Выражение жить как кошка с собакой говорит не о животных, а о людях, которые постоянно ссорятся. Поэтому вслед за Н.Д. Арутюновой мы рассматриваем зооморфную метафору прежде всего как

характеризующую: она называет не предмет, а его признак и почти всегда несёт оценку [3]. Этим зооморфизм отличается от простого употребления зоонима в устойчивом выражении. В обороте денег куры не клюют курица не является образом человека, она лишь деталь картины изобилия.

Отсюда следует, что зооморфизмы составляют ядро более широкого круга единиц с компонентом-зоонимом. Мы предлагаем различать эти понятия: зоонимическими называть все единицы, в которых есть название животного, а зооморфными - только ту их часть, где через животное характеризуется человек. В нашей выборке к зооморфным относятся 418 единиц из 614, то есть около двух третей.

3.2. Фразеологизм и паремия: где проходит граница

Вопрос о том, относятся ли пословицы к фразеологии, обсуждается давно. Н.М. Шанский включал их в число фразеологических выражений [16]. А.В. Кунин рассматривал пословицы в рамках фразеологии как единицы с особой, коммуникативной функцией [8]. Фольклористы, в том числе В.П. Аникин, напротив, настаивали на самостоятельности пословицы как жанра народной словесности [1]. Г.Л. Пермяков предложил видеть в пословицах и поговорках клише, то есть готовые знаки типовых ситуаций, и группировать их по общему логическому инварианту, а не по внешней форме [11].

Для нашей темы этот спор важен скорее практически. Фразеологизм называет: белая ворона, заячья душа, слон в посудной лавке. Пословица утверждает и чаще всего поучает: Волков бояться - в лес не ходить; Старый конь борозды не испортит. Первый входит в предложение как его часть, вторая сама является законченным суждением. Но образ животного и там и здесь работает одинаково, и пословица нередко со временем сокращается до оборота. Из пословицы За двумя зайцами погонишься - ни одного не поймаешь вырос оборот гнаться за двумя зайцами; так же обстоит дело с выражением делить шкуру неубитого медведя. В.М. Мокиенко показывает, что такое «усечение» - один из обычных путей пополнения русской фразеологии [10].

Бывает и обратное: фразеологизм уходит корнями в литературный текст, близкий по природе к притче. Медвежья услуга восходит к басне И.А. Крылова «Пустынник и Медведь», где медведь, отгоняя муху, убивает спящего друга камнем. Мораль басни забылась, а образ остался. Поэтому мы считаем оправданным изучать зооморфные фразеологизмы и паремии вместе, сохраняя различие между ними на уровне структуры и функции.

3.3. Классификация зооморфных единиц

Первое основание классификации - группа животных, к которой относится зооним. Распределение единиц по этому признаку показано в таблице 1.

Таблица 1. Распределение единиц с компонентом-зоонимом по группам животных

Группа животных	Фразеологизмы	Паремии	Всего	%
Домашние млекопитающие (собака, кошка, конь, корова, свинья, баран, козёл)	131	117	248	40,4
Дикие млекопитающие (волк, медведь, лиса, заяц)	98	78	176	28,7
Птицы (ворона, курица, гусь, воробей, сорока)	83	48	131	21,3
Рыбы, насекомые и др. (рыба, рак, муха, блоха)	40	19	59	9,6
Итого	**352**	**262**	**614**	**100**

Чаще всего в русских зооморфизмах встречаются домашние животные. Объяснить это несложно: с ними человек жил бок о бок и знал их повадки лучше, чем повадки любого другого зверя. По частотности на первом месте собака, за ней идут волк, конь (лошадь), кошка и медведь. Любопытно, что в паремиях доля домашних животных выше, чем во фразеологизмах. Пословица выросла из повседневного крестьянского опыта, и корова или лошадь в ней - не символ, а часть хозяйства, через которую проще всего объяснить жизненное правило.

Второе основание, на наш взгляд более содержательное, - то, какую сторону человека описывает образ. Здесь выделяется несколько крупных групп. Внешность и физические качества передаются выражениями вроде как корова на льду о неуклюжем человеке или гадкий утёнок. Ум и глупость - смотреть как баран на новые ворота, курам на смех. Обширнее всего группа, связанная с характером и поведением: хитрость (лиса, старый лис), трусость (заячья душа), притворство (волк в овечьей шкуре), равнодушие (как с гуся вода).

Отдельно стоят единицы, описывающие отношение к труду (работать как вол, ломовая лошадь), и единицы, говорящие об отношениях между людьми: как кошка с собакой, белая ворона, Ворон ворону глаз не выклюет. Наконец, через животных в русском языке часто передаётся жизненный опыт и возраст: стреляный воробей, Старого воробья на мякине не проведёшь [6]. Границы между группами, конечно, условны, и одна единица может попадать сразу в две. Старый воробей говорит и об опыте, и об осторожности, которая из этого опыта вытекает.

3.4. Оценочность и её неоднозначность

Подавляющее большинство зооморфизмов оценочно, и оценка эта преимущественно отрицательная. В нашей выборке на долю единиц с отрицательной оценкой приходится примерно 70 % зооморфных единиц, на долю положительных - около 15 %, остальные оценочно нейтральны или амбивалентны. Это хорошо согласуется с наблюдением Ю.Д. Апресяна о том, что язык гораздо охотнее фиксирует отклонения от нормы, чем саму норму [2]: в языке больше слов для глупости, чем для обычного здравого смысла.

Однако закрепление оценки за образом не всегда однозначно. Лучший пример - собака. С одной стороны, есть собачья преданность и верный пёс. С другой - собачья жизнь, собака

на сене, как собаке пятая нога. То же с конём: Старый конь борозды не испортит звучит с уважением, а рабочая лошадка уже несёт оттенок жалости. Значит, образ животного задаёт не готовую оценку, а набор признаков, из которых язык в разных выражениях выбирает разные.

Это хорошо видно при сравнении с узбекским материалом. Пословица Ит ҳурар, карвон ўтар («Собака лает, караван идёт») близка по смыслу русской Собака лает - ветер носит [13; 6]. В обоих языках лай собаки - образ пустых слов, на которые не стоит обращать внимания. Но если у русских ветер просто уносит брань, то в узбекской пословице появляется караван, то есть дело, которое идёт своим чередом. Образ один, а культурный фон, на котором он прочитывается, разный.

4. Обсуждение

Полученные данные подтверждают мысль В.Н. Телия о том, что фразеология хранит культурные стереотипы и через них передаёт от поколения к поколению определённые представления о человеке [14]. Зооморфизм оказывается одним из самых удобных способов такой передачи. Животное знакомо всем, его повадки наглядны, и через него легко сказать о человеке то, что прямо сказать было бы грубо или слишком долго.

Важным нам кажется и то, что граница между фразеологией и паремиологией для зооморфизмов почти прозрачна. Если рассматривать их порознь, легко упустить, что гнаться за двумя зайцами и пословица о двух зайцах - по сути одна единица на разных этапах жизни. Совместное описание позволяет увидеть, как образ переходит из одной формы в другую и что при этом теряется. Чаще всего теряется назидание, а характеристика остаётся.

Следует сказать и об ограничениях работы. Материал взят из словарей, а словари фиксируют прежде всего традиционный, во многом крестьянский пласт языка. Частотность единицы в словаре вовсе не равна её частотности в живой речи: многие пословицы из сборника Даля сегодня известны лишь специалистам. Кроме того, отнесение единицы к той или иной смысловой группе неизбежно содержит долю субъективности. За пределами статьи остались и новые зооморфизмы, которые появились уже в XX веке и продолжают возникать сейчас. Их изучение на материале современных текстов, в том числе по данным Национального корпуса русского языка, представляется нам естественным продолжением этой работы.

5. Заключение

Проведённый анализ позволяет сделать несколько выводов. Во-первых, понятие зооморфизма целесообразно отграничить от более широкого понятия единицы с компонентом-зоонимом: зооморфными мы считаем только те выражения, где через животное характеризуется человек. Во-вторых, зооморфные фразеологизмы и паремии удобно изучать вместе, поскольку образ животного в них работает одинаково, а пословица нередко со временем превращается в оборот.

В-третьих, для классификации зооморфизмов недостаточно указать, о каком животном идёт речь. Гораздо больше даёт вопрос о том, какую сторону человека этот образ описывает

и с какой оценкой. Именно здесь зооморфизмы раскрывают то, что принято называть языковой картиной мира: в них видно, что народ ценил, над чем смеялся и чего опасался.

Наконец, оценка, закреплённая за образом животного, не задана раз и навсегда. Одно и то же животное может служить и образцом, и предостережением, и это делает зооморфизмы интересным материалом не только для лингвиста, но и для всякого, кто изучает культуру через язык.

Список литературы

1. Аникин В.П. Русские народные пословицы, поговорки, загадки и детский фольклор. - М.: Учпедгиз, 1957.
2. Апресян Ю.Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Вопросы языкознания. - 1995. - № 1. - С. 37–67.
3. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. - М.: Языки русской культуры, 1998.
4. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / отв. ред. В.Н. Телия. - М.: АСТ-Пресс Книга, 2006.
5. Виноградов В.В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке // Виноградов В.В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. - М.: Наука, 1977. - С. 140–161.
6. Даль В.И. Пословицы русского народа: в 2 т. - М.: Художественная литература, 1984.
7. Жуков В.П. Словарь русских пословиц и поговорок. - 7-е изд. - М.: Русский язык, 2000.
8. Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка. - 2-е изд. - М.: Высшая школа, 1996.
9. Маслова В.А. Лингвокультурология. - М.: Академия, 2001.
10. Мокиенко В.М. Загадки русской фразеологии. - М.: Высшая школа, 1990.
11. Пермяков Г.Л. От поговорки до сказки (заметки по общей теории клише). - М.: Наука, 1970.
12. Потебня А.А. Из лекций по теории словесности. Басня. Пословица. Поговорка. - Харьков, 1894.
13. Раҳматуллаев Ш. Ўзбек тилининг изоҳли фразеологик луғати. - Тошкент: Қомуслар бош таҳририяти, 1992.
14. Телия В.Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. - М.: Школа «Языки русской культуры», 1996.
15. Фразеологический словарь русского языка / под ред. А.И. Молоткова. - 4-е изд. - М.: Русский язык, 1986.
16. Шанский Н.М. Фразеология современного русского языка. - 3-е изд. - М.: Высшая школа, 1985.
17. Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. - Chicago: University of Chicago Press, 1980.